

Шукуров Дмитрий Леонидович, Свирь Глеб Александрович

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ОБРАЗА АВТОРА В РУССКОЙ АВАНГАРДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье анализируется процесс изменения семиотической функции образа автора в культуре позднего авангарда в России (1920-е гг.). Основное внимание уделено характеристике методологических стратегий И. П. Смирнова (на примере творчества авторов группы "Объединение реального искусства", в частности Константина Вагинова (1899-1934)). В исследовании доказывается, что фигура автора в произведениях русских авангардистов постепенно утрачивает художественный авторитет, превращаясь в образ авторской "пародической личности". Представлены новые возможности исследовательской интерпретации в традициях психоаналитически ориентированного литературоведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 216-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008:316.722

Культурология

В данной статье анализируется процесс изменения семиотической функции образа автора в культуре позднего авангарда в России (1920-е гг.). Основное внимание уделено характеристике методологических стратегий И. П. Смирнова (на примере творчества авторов группы «Объединение реального искусства», в частности Константина Вагинова (1899-1934)). В исследовании доказываем, что фигура автора в произведениях русских авангардистов постепенно утрачивает художественный авторитет, превращаясь в образ авторской «пародической личности». Представлены новые возможности исследовательской интерпретации в традициях психоаналитически ориентированного литературоведения.

Ключевые слова и фразы: культура русского авангарда; русская литература; автор; психоанализ; литературный процесс; психодиахнология.

Дмитрий Леонидович Шукуров, д. филол. н., доцент

Глеб Александрович Свирь

Кафедра культурологии и литературы

Шуйский государственный педагогический университет

shoudmitry@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ОБРАЗА АВТОРА В РУССКОЙ АВАНГАРДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]

Работа выполнена в рамках научного проекта «Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века», поддержанного грантом Президента РФ на 2012-2013 гг. для молодых российских ученых - докторов наук (МД-420.2012.6).

В уникальном исследовательском опыте изучения психодиахнологии (т.е. логики функционирования психизма в историческом времени) русской литературы И. П. Смирнова [5] присутствует симптоматическая особенность: те немногочисленные фрагменты, которые посвящены в ней анализу творчества К. Вагинова (автора группы «Объединение реального искусства»), не имеют тематической обусловленности в структуре работы и располагаются в разных «психодиахронических системах».

Конечно, чисто хронологически вагиновские произведения отнесены к эпохе «тоталитарной культуры», в основе которой, по определению автора, находится «мазохистский» тип личности (подробных градаций мы не касаемся). Однако упоминание имени К. Вагинова, как это ни парадоксально для столь чётко структурированного исследования, происходит уже в связи с искусством «садовангарда», отличительной особенностью которого является тотальное отрицание объекта.

Эстетическая теория авангардистов, совершенно верно отмечает И. П. Смирнов, рассматривала изображаемую в тексте действительность (т.е. «материал» художественного творчества) как иррелевантную для понимания литературы. Таким образом, в формализме, например, был упразднён объект литературы. Некоторые терминологические понятия формалистов (такие как «доминанта», «деканонизация», «деформация», «основной признак») учёный рассматривает как «имплицитные принуждение и подчинение» [Там же, с. 184]. («Садистской» объявлена в книге и антиформалистическая теория социологической версии литературоведения – как ориентированная на классовую борьбу).

Именно в этом контексте и упоминается впервые вагиновское творчество: «Порождение художественного текста влекло за собой, с точки зрения исторического авангарда, исчезновение реальности, подвергаемой описанию. Рассказывание означало для Вагинова “...процесс похищения людей и перенесения их в роман...”. Эта формула была выдвинута тогда, когда исторический авангард первого призыва уже завершал своё развитие и пытался осмыслить проделанный им путь. Но и на стадии формирования постсимволистская литература подчёркивала, пусть в менее обобщённой манере, чем это сделал Вагинов, агрессивную направленность творческого акта» [Там же].

Напомним, что этот фрагмент принадлежит главе, в которой рассматривается литература «психоавторепрезентации» садистской личности, и анализируются произведения таких авторов как В. В. Маяковский, А. Кручёных, – эстетически очень далёких от К. Вагинова.

В дальнейшем роман «Труды и дни Свистонова» (1929), в котором, по мнению И. П. Смирнова, процесс литературного творчества представлен на садистский манер – в виде охоты на людей и похищения личностей из эмпирического мира – рассматривается им в контексте хронологически родственной литературы эпохи зарождающегося тоталитаризма. Эта «тоталитарная культура» характерологически соответствует, по И. П. Смирнову, как было отмечено, мазохистскому типу личности.

Действительно, содержание романа К. Вагинова, по мысли учёного, не исчерпывается психоавторепрезентацией агрессии: «“Труды и дни Свистонова” подытоживаются тем, что и сам изображаемый в этом

тексте автор становится пленником созданного им художественного произведения, исчезает в качестве действительно существующего лица. По ходу сюжета выведенный Вагиновым автор-сади́ст перевоплощается в индивида, который не в состоянии установить контакт с самим собой как с некоей реальностью, в мазохиста (тема страдающего агрессора запечатлена в фамилии заглавного героя: «Свистонов» = «свист» (звукотворчество, которое может иметь агрессивную функцию) + «стон»)» [Там же, с. 293].

Общей особенностью русской культуры позднего авангарда (1920-е гг.) является утрата авторской личностью художественного авторитета. С точки зрения обэриутов (Д. Хармс, А. Введенский, К. Вагинов, Н. Заболоцкий), имагинистов (В. Шершеневич, А. Мариенгоф, И. Грузинов), биокосмистов (А. Святогор, П. Иваницкий), ничевоков (С. Сади́ков, С. Мар, Е. Николаева, А. Ранов, Р. Рок, Д. Уманский, О. Эрберг), экспрессионистов (И. Соколов), чем менее автор контролирует свои творческие действия, тем аутентичнее его творение. Таким образом, автор становится персонажем собственных произведений. В этой роли ему удастся избежать сомнительной, по идее позднего авангарда, метапозиции разумной и самосознающей личности. Повествование передоверяется автором часто ущербному и монструозному персонажу или пародической личности, которая может быть психоаналитически диагностирована как диссоциированная: «Повествователь в романе Вагинова “Козлиная песнь”, – отмечает исследователь, – это урод с тремя пальцами на левой руке и с четырьмя – на правой (дефектным изображен здесь именно рабочий инструмент писателя – руки). Всё, что способен этот автор поведать читателям, исчерпывается рассказом об интеллектуальной деградации людей умственного труда – поэтов, философов, филологов. Интеллект не выдерживает испытаний, с которыми он сталкивается по ходу времени. Реальный автор “Козлиной песни” передоверяет повествование о крахе интеллекта монстру, выродку, карнавалному чудовищу» [Там же, с. 301]. Здесь речь идёт о фрагменте «Козлиной песни», не вошедшем в окончательный вариант произведения (он размещён современными составителями издания вагиновской прозы в приложениях к роману): «Я дописал свой роман, поднял остроколючую голову с глазами, полузакрытыми жёлтыми перепонками, посмотрел на свои уродливые от рождения руки: на правой руке три пальца, на левой – четыре» [1, с. 504].

«Монструозность» авторского субъекта в трактовке И. П. Смирнова является также и признаком постмодернистской наррации. И опять, теперь уже в связи с анализом «канонически» постмодернистской «Палисандрии» Саши Соколова, учёный обращается к творчеству К. Вагинова. Действительно, герой Саши Соколова – Палисандр Дальберг – чудовищен и монструозен, однако за свои литературные труды Палисандр – *alter ego* автора – удостоивается Нобелевской премии: «Саша Соколов возвращает нас, – отмечает И. П. Смирнов, – к позднему авангарду: семипалый Палисандр напоминает о трёх- и четырёхпалом писателе из “Козлиной песни” Вагинова. Но уродство автора в “Козлиной песни” компрометирует литературный труд, тогда как гротескный автор у Саши Соколова, напротив, заслуживает награды» [5, с. 337].

Итак, имя К. Вагинова в книге И. П. Смирнова включено по тем или иным исследовательским мотивам по крайней мере в три психодиахронические системы, кардинально отличные друг от друга, – это 1) «садоавангард» (ранний авангард), 2) «тоталитарная культура» (поздний авангард) и 3) постмодернизм (в основании которого – симбиотический характер, объединяющий садо- и мазохистские установки). Неоднозначность вагиновского писательского творчества в рамках психо-исторического подхода к литературе, своеобразная «размытость» психодиахронических координат, в которых оно рассматривается, свидетельствуют скорее о постмодернистской (в широком смысле) версии его интерпретации.

Диссоциация авторского сознания, его распад на множество субъективных модусов – персонажных масок – характерная черта авангардной литературы 1920-1930-х гг. Особая тенденция развития русского литературного авангарда в 1920-е гг. связана с процессом изменения семиотической роли произведения. Если классическая литература служила своего рода «охранной грамотой» по отношению к действительности, своеобразным «оберегом», охраняющим ментальность культуры, то в этот период литература изменяет семиотический код: литературный текст начинает функционально противостоять реальности, превращается в «оккупирующий» действительность знак. Аутоагрессивный истероидный авторский субъект эпохи символизма и раннего авангарда изменяет психоаналитический вектор, разворачивая его в сторону объекта. Агрессия не затрагивает теперь внутренний субъективный мир художника (теургическое преобразование символов, структурирование грандиозного «Эго» в футуризме), а направлена на творческое преобразование и революционную трансформацию мира объектов (перформативный акт, использование цитат в качестве приёма трансформации авторского смысла). Например, проза К. Вагинова предстаёт как «антиохранная грамота» [4, р. 151], главный смысл которой – поглощение реальности литературой. С достаточной степенью уверенности можно утверждать правомерность семиотического подхода к авангардной литературе 1920-1930-х годов, в которой быт «...являл предельную развоплощённость-неслиянность смысла, знака и вещи, идеи, человека говорящего и мира» [2, с. 102].

Мир объектов был интроецирован во внутренний модус распадающегося (диссоциированного) авторского сознания. Этот процесс сопровождался парадоксальной авторской рефлексией над смыслом литературного творчества, что выражалось в колоссальном интересе авторов-авангардистов «второго поколения» к трудам З. Фрейда и в целом – к психоанализу. Возможно, возникновение авангардной традиции цитатной организации текста связано с общим кризисом авторства, начавшимся с конца XIX века и выразившимся в ситуации потери художником позиции венаходимости (М. М. Бахтин) по отношению к собственному произведению. Автор теряет «власть» над произведением. Постмодернистская ситуация «смерти автора» (Р. Барт), ставшая предметом размышлений крупнейших интеллектуалов нашего времени, реализуется

в литературных текстах XX века как принцип цитатности и культурной опосредованности. (Ср. некоторые определения авторской позиции в этой ситуации: «обморок говорящего субъекта» (М. Фуко), «анонимная и номадическая сингулярность» (Ж. Делёз), «расколотый субъект» (З. Фрейд, Ж. Лакан, Ю. Кристева), субъекты как «пустые имена» (У. Эко)). Цитирование в авангардном тексте утрачивает функцию информативности (отсылки к другому тексту), становясь «залогом самовозрастания смысла текста» [3, с. 113], и лишается какого-либо источника, своего «автора», бесконечно повторяясь в зеркальных отражениях собственных копий и симулякров.

Таким образом, «чужое слово» в авангардном произведении становится непрозрачным намёком на прежде бывшее и становящееся и ориентировано на будущее повторение «своего» как «чужого» и «чужого» как «своего». Разрушение литературного дискурса как пространства вымысла и, что самое важное, как пространства авторской филиации связывается у авангардистов, во-первых, с идеей отказа от чужой, навязанной извне и посредствующей воли, и, во-вторых, с идеей освобождения от иллюзорного представления об авторе как субъекте высказывания и его полномочном креаторе, что неожиданно сближает русский литературный авангард с целой мыслительной парадигмой XX века – с постструктурализмом.

Список литературы

1. Вагинов К. К. Козлиная песнь: романы / вступительная статья Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с.
2. Московская Д. С. «Частные мыслители» 30-х годов: поставангард в русской прозе // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 97-104.
3. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
4. Сегал Д. Литература как охранная грамота // Slavica Hierosolymitana. 1981. Vol. V-VI. P. 203-244.
5. Смирнов И. П. Психодиахнологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

**CHANGE OF AUTHOR'S IMAGE SEMIOTIC FUNCTION IN RUSSIAN AVANT-GARDE CULTURE:
PSYCHOANALYTIC ASPECT**

Dmitrii Leonidovich Shukurov, Doctor in Philology, Associate Professor
Gleb Aleksandrovich Svir'

*Department of Culturology and Literature
Shuya State Pedagogical University
shoudmitry@yandex.ru*

The authors analyze the process of the change of author's image semiotic function in the culture of late avant-garde in Russia (the 1920s), pay particular attention to the characteristics of I. P. Smirnov's methodological strategies (by the example of the authors' creativity from the group "Association of Real Art", in particular Konstantin Vaginov (1899-1934)), prove that author's figure in Russian avant-gardists' works is gradually losing its artistic authority, turning into the image of authorial "parodic personality", and present the new possibilities of research interpretation in the traditions of psychoanalytically oriented literary criticism.

Key words and phrases: Russian avant-garde culture; Russian literature; author; psychoanalysis; literary process; psychodiachronology.